

УДК 340.1:342.7

А.Т. РАГИМОВ,
кандидат юридических наук, профессор

ГОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ПРАВООЩИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья раскрывает три основных направления исследования правозащитных отношений: правозащитные отношения как часть юридической системы, сквозь призму системного анализа и как естественно-правовые отношения.

Правозащитные отношения – явление новое в нашей правовой системе, и по этой причине они явно недостаточно изучены юридической наукой. Отмечая закономерность такого положения, Н.И. Матузов пишет: "Необходимо сказать, что практика реализации фундаментальных естественных прав человека у нас пока небогата, поскольку сами эти права официально признаны и законодательно закреплены сравнительно недавно. Этой практике еще предстоит сложиться, а науке придется ее изучать и обобщать" [1]. Наряду с этим в юридической науке вполне обоснованно обращено внимание и на исключительную сложность познания правозащитных отношений [2].

В самом общем плане правозащитное отношение может быть понято в качестве юридической связи между индивидом, обладающим правозащитными полномочиями человека, и правозащитными обязанностями как компетентных субъектов – государственных, гражданских и международных организаций, так и отдельных физических лиц либо группы лиц. С точки зрения прав человека, основное назначение правозащитного отношения заключается в защите юридической безопасности индивида путем побуждения правообязанных субъектов к своевременному, полному и эффективному исполнению ими возложенных на них правозащитных обязанностей. Выступая важным средством обеспечения юридической безопасности человека, правозащитное отношение приобре-

тает тем самым статус одного из самых эффективных юридических факторов упрочения процесса воплощения прав и свобод человека в жизнь. Отсюда становится очевидной и научная актуальность, и острая практическая востребованность всестороннего и глубокого исследования правозащитных отношений, так как, в конечном счете, речь идет о создании прочного режима правовой защищенности человека.

В данной статье в качестве основных субъектов правозащитных отношений рассматриваются человек и государство России, его органы и должностные лица, наделенные Конституцией РФ правозащитными обязанностями.

Анализ философско-правовой литературы обнаруживает, что на сегодняшний день факт существования правозащитных отношений в правовой действительности нашего общества признается все большим числом ученых, позиции которых и позволяют ставить вопрос об основных направлениях изучения этой остающейся еще во многом малоизученной правовой материи.

Выделению и анализу особенностей основных направлений исследования правозащитных отношений необходимо предпослать ряд замечаний.

Во-первых, нельзя не заметить, что каждое направление изучения правозащитных отношений, как правило, сложилось в рамках общеправовой теории правоотношений. Это подтверждает существующий в общей теории права и

государства вывод об общетеоретическом статусе теории прав человека [3].

Во-вторых, практически каждое направление изучения правозащитных отношений представляет собой более специализированное продолжение, а потому и развитие общей теории правоотношений. Следовательно, разработка изучения о правозащитных отношениях является вкладом и в развитие общей теории правоотношений.

И, в-третьих, выявленный нами перечень основных направлений исследования правозащитных отношений не претендует на статус исчерпывающего, поскольку процесс их формирования продолжается.

Соблюдая в известном смысле хронологию, выделим такое прочно утвердившееся направление в изучении правозащитных отношений, как их обоснование в качестве элемента правовой системы общества.

В теории права и государства признано, что правовая система общества – это комплекс правовых явлений, взятых в единстве и взаимодействии со всем многообразием свойственных им генетических, структурных, функциональных связей и отношений [4; 5; 6; 7]. В правовой системе общества правозащитные отношения относятся к блоку правоотношений. Однако в контексте категории "правовая система" проблематика правозащитных отношений пока еще не просматривается прямо и непосредственно. Она обнаруживает себя путем обоснования в единой правовой системе общества особой подсистемы, которая получила название "правозащитная система". Т.М. Калинина пишет: "Исходя из того, что соотношение понятий "правовая система" и "правозащитная система" – это соотношение общего и особенного, то в предварительном порядке, с точки зрения наиболее общего подхода и по аналогии с "правовой системой", "правозащитная система" может быть определена как совокупность взаимосвязанных способов и средств защиты прав и свобод человека, которой располагает конкретная политическая общность" [8, с. 25]. По мнению автора, правозащитная система России представляет собой "совокупность способов и средств защиты прав

и свобод человека, существующую в виде комплекса взаимосвязанных правозащитных отраслей, норм и институтов; подсистемы гуманитарного законодательства и правозащитных учреждений; подсистем гуманитарного информирования, образования, накопления, хранения, воспроизводства и развития гуманитарной идеологии" [8, с. 7]. Однако, как вытекает из изложенного, Т.М. Калинина, выделив в правовой системе особую подсистему в виде правозащитной системы, не находит в ней правозащитных отношений. В этой связи значительным шагом в формировании рассматриваемого направления надо признать вывод В.Н. Карташова о том, что правозащитная система общества состоит из следующих главных компонентов: а) государственных и негосударственных организаций и объединений, отдельных граждан и должностных лиц, деятельность которых специально направлена на защиту прав и законных интересов граждан, их коллективов и организаций; б) объективного права, взятого в единстве содержания и формы его выражения, где значительное место занимает гуманитарное право; в) юридической практики (правотворческой, правоприменительной, судебной и т.п., осуществляемой в рамках регулятивных и охранительных, **правозащитных** (здесь и далее выделено авт.), как правило, правоотношений") [9].

Из сказанного следует, что правозащитные отношения проявляют себя в правовой системе через систему правозащитную и выражаются в виде либо регулятивных, либо охранительных отношений. При этом, будучи регулятивными либо охранительными, они генетически связаны только с объективным правом.

По нашему мнению, позиция В.Н. Карташова заслуживает поддержки в той части, в какой им обосновывается факт наличия правозащитных отношений. Однако его утверждение, что правозащитные отношения в качестве своей нормативной основы имеют только объективное право и являются соответствующими подразделениями регулятивных и охранительных отношений, вызывает весьма серьезные возражения, поскольку влечет за собой, во-первых, признание права человека на защиту законом

целиком и полностью патерналистским (объективным), в то время как "права человека, признанные государством, приобретают качества субъективных юридических прав любого физического лица" [10], а, во-вторых, умаление специальных черт правозащитных отношений, так как предполагается, что в реальной правовой действительности они существуют в виде регулятивных или охранительных правоотношений. Таким образом, с позиции, предложенной В.Н. Карташовым, не просматривается ни смысл выделения правозащитных отношений как вида правоотношений в механизме правового регулирования, ни специфика методологии их исследования.

Думается, что отмеченные недостатки изложенной позиции В.Н. Карташова возникли вследствие некорректного допущения им поглощения объективным (позитивным) правом субъективного (естественного) права человека на защиту законом. Он не учитывает, что "новая правовая, политическая, духовная связь гражданина и государства порождена первичностью прав личности в обществе. Права и свободы граждан, отражая эту связь, делают госорганы и должностных лиц гарантами, а не гегемонами" [11]. Эта "новая правовая связь" и есть та закономерность, в соответствии с которой в правозащитном отношении естественные правозащитные правомочия смыкаются с позитивными и именно правозащитными обязанностями государства. По этой причине недопустимо сведение правового основания правозащитного отношения исключительно к праву позитивному (объективному), равно как невозможна его целостная интерпретация в контексте мысли В.С. Афанасьева и Н.Л. Гранат о том, что "коль скоро фактически общепризнанным является существование естественных прав человека, коренящихся в его природе, в требованиях разума, то существуют и правоотношения без соответствующих им норм позитивного права" [12].

Правозащитное отношение – это та юридическая форма (способ), в которой естественные правозащитные полномочия человека реализуются во взаимосвязи с соответствующими позитивными юридическими обязанностями государства. В них таким образом происходит

реальное взаимодействие права естественного и права позитивного. Кроме того, во многом особенное назначение правозащитного отношения исключает возможность отнесения его как к охранительным, так и к регулятивным правоотношениям, поскольку, с одной стороны, в его рамках не решается вопрос о вине правообязанной стороны и к ней не применяются меры правоохраны, а с другой – в нем правоуполномоченная сторона (человек) юридически значимыми средствами принуждает правообязанную сторону (государство, его органы и должностные лица) к выполнению возложенных на нее правозащитных обязанностей. Разумеется, правозащитные отношения сохраняют общеродовые признаки правоотношений. Но диалектика этих общеродовых признаков со специальными признаками правозащитных отношений исключает как возможность их разделения на регулятивные и охранительные, так и их идентификацию только с регулятивными либо только с охранительными правоотношениями.

Тем не менее надо признать, что сложившееся направление в исследовании правозащитных отношений является обоснованным и представляет собой важнейший аспект в их познании, создающий теоретические предпосылки для раскрытия места и роли правозащитных отношений не только в правовой действительности нашего общества, но и в общей системе правовых отношений. Однако такая оценка не должна исключать и его критику, заключающуюся в том, что в рамках этого направления имеет место прямолинейная экстраполяция методологии исследования правовой системы на правозащитную, а охранительных и регулятивных правоотношений – на отношения правозащитные, чего нельзя признать научно корректным.

Надо полагать, что отмеченная прямолинейность, в своей значительной части, продиктована отсутствием должной методологии исследования правозащитных отношений в правовой системе общества. Эта тенденция должна быть преодолена путем углубления научных представлений о сущности и особенностях отношений, порождаемых корреспонденцией права человека на защиту закона с правозащитными

обязанностями государства. Следует стремиться к формированию методологии именно правозащитных отношений, в которых правообязанная сторона юридически императивно, то есть властно, побуждается, вынуждается к выполнению действий, удовлетворяющих правозащитные полномочия другой стороны, поскольку, как отмечал И.А. Ильин, вступить в правоотношение значит согласиться на совместное подчинение праву [13]. В этой связи высказанная И. Кантом мысль о том, что "право – взаимное принуждение, охраняющее общую свободу", наполняется вполне реальным и конкретно-юридическим содержанием, которое не может не опредмечиваться и в правовой способности человека к осуществлению юридического принуждения в отношении государственной власти¹. Но такого рода принуждение может осуществить только субъект, обладающий юридической властью, превосходящей по своей силе власть государственную. Право человека на защиту закона, соблюдение которого стало обязанностью государства, как раз и включает в себя юридическую власть, подчиняющую себе власть государственную. Это обстоятельство, наряду с вышеуказанными, заметно обособляет правозащитные отношения от всех иных правоотношений, в том числе, и это особо важно подчеркнуть, от отношений правоохранительных, в которых государство занимает властно-доминирующее положение, то есть положение гегемона.

Как представляется, в рамках рассматриваемого направления исследование правозащитных отношений должно выступать важнейшей мировоззренческой и теоретической предпосылкой обоснования правозащитной парадигмы в правовой системе нашего общества, показателем утверждения которой как раз и являются отношения правозащитные. Применительно к сегодняшнему дню целенаправленное формирование правозащитной парадигмы в правовой действительности тем более актуально и важно, поскольку она способна реально обозначить

человека не только в качестве носителя юридических свойств, обладающих высшей правовой ценностью, но и как субъекта властных полномочий, позволяющих ему эффективно противостоять злоупотреблениям государства и его коррупционным тенденциям, чем и обеспечивать свою юридическую безопасность и безопасность всего общества.

Второе направление в исследовании правозащитного отношения сложилось в результате попыток системного анализа правозащитного регулирования. Сама потребность в изучении правозащитного регулирования через призму системности продиктована многочисленными исследованиями теории и практики защиты конкретных видов прав и свобод человека [14–20].

С позиций системного подхода выяснилось, что правозащитное регулирование как целостное явление может сложиться и функционировать только в том случае, если оно снабжено соответствующим методом, ставить вопрос о котором, в свою очередь, можно только в том случае, если он имеет свой специфический предмет, то есть особую группу правовых отношений. По мнению авторов этого направления, "факт признания прав человека Российской Федерацией порождает особый вид правовых отношений – правозащитные отношения, специфика которых, наряду с другими факторами, и обуславливает создание адекватной системы правового регулирования – правозащитного регулирования со свойственным этой системе единым методом" [21, с. 101]. Далее эти же авторы пишут: "Факт обособленности правозащитной системы и комплексность ее нормативно-правовой основы есть, помимо всего прочего, дополнительное доказательство того, что с помощью какого-либо одного отраслевого метода, включая и конституционно-правовой, она не может быть реализована в полном объеме и должным образом, поскольку для этого необходим вытекающий из однородных признаков ее целей и принципов регулирования, а также регулируемых ею правозащитных отношений особый, адекватный именно ее природе метод правового регулирования, на основе принципов и в рамках которого только и должны применяться

¹ Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. – М.: ЧОРО, 1994.

ся отраслевые методы. Таким методом, по нашему мнению, должен быть метод правозащитного регулирования, или, что одно и то же, правозащитный метод" [21, с. 99].

Из приведенных высказываний вытекает, что правозащитные отношения не только существуют, но и с логикой объективной закономерности порождают специфический метод, вокруг которого и складывается система правозащитного регулирования.

Соглашаясь в целом с авторами, хотелось бы обратить внимание на допускаемое ими явное и необоснованное расширение инструментально-регулятивных возможностей правозащитного отношения, что, в конечном счете, приводит к неразличению правозащитных отношений от отношений регулятивных и правоохранительных. Так, они утверждают, что правозащитное отношение является универсальным способом осуществления всех прав человека [21, с. 157], что в его рамках осуществляются все виды неблагоприятных последствий (лишения материального, организационного или личного характера), наступающих для того субъекта, который нарушил то или иное право человека [21, с. 168], что с функциональной стороны оно преследует цель восстановления (компенсации) нарушенного права человека и наказания (кары) за такое деяние [21, с. 168–169].

Однако вряд ли надо доказывать, что форма правозащитных отношений не рассчитана на внеконфликтное осуществление, скажем, права человека на образование, в связи с чем интерпретация правозащитного отношения в качестве регулятивного не имеет под собой оснований. Также следует признать, что форма правозащитного отношения не рассчитана и на достижение цели, состоящей в возложении на субъекта, нарушившего, например, то же самое право человека на образование, карательных мер государственно-правового принуждения. И не только потому, что право человека на образование охраняется заключенным в этом же праве притязанием на защиту от нарушения и иными охранительными нормами материального права, но и потому, что право человека на защиту закона – это самостоятельное право, име-

ющее свой объект, обособленный от объектов всех иных прав человека. Уже только приведенные доводы не позволяют рассматривать правозащитное отношение в качестве формы осуществления любого и каждого права человека, а также юридической ответственности за нарушение прав и свобод человека.

Думается, необоснованное расширение инструментально-регулятивных возможностей правозащитного отношения является следствием того, что авторы относят к правозащитным отношениям и те отношения, которые не являются таковыми. Анализ доводов, приводимых этими авторами в пользу критикуемого нами положения, выявляет, что в его основу они положили методологию и теорию действия охранительных норм позитивного права. Это и привело их к выводу, "что и защита прав человека, и их охрана – это как раз те юридические формы, в которых и осуществляется право человека на правовую защиту" [21, с. 30]. Авторы упускают из виду тот факт, что каждое право человека заключает в своей субъективной структуре охранительное правомочие – правопритязание на привлечение лица, нарушившего это право, к юридической ответственности, но которое не является правом человека на защиту закона. Смешение охранительных правомочий каждого права человека с отдельным правом человека на защиту закона и последующее обозначение этого искусственно сконструированного образования в качестве "права человека на защиту" не позволило авторам обнаружить, что правозащитное отношение возникает не тогда, когда имеет место нарушение какого-либо гражданского, политического, социально-экономического или культурного права (свободы) человека, а тогда, когда в рамках самых различных правовых отношений, но с участием человека², возникают либо уже возникли угрозы его юридической безопасности от государства. Возникно-

¹ В правоведении единодушно признается, что юридическая безопасность человека, будучи разновидностью его социальной безопасности, представляет собой состояние правовой защищенности человека в сфере действия юридических отношений именно с его участием [22; 23; 24; 25].

вление угрозы юридической безопасности человека побуждает его обратиться к защите закона, чем и обуславливается возникновение конкретных правозащитных отношений между личностью и государством. Непринятие во внимание этих обстоятельств ведет к стиранию различий в юридических и фактических основаниях правозащитных и охранительных отношений.

Таким образом, правозащитное отношение возникает не из любого и каждого нарушения прав и свобод человека, а только и исключительно из факта нарушения юридической безопасности человека, находящегося в статусе субъекта тех или иных правоотношений. Но поскольку основным коррелятом права человека на защиту законом является государство, то и правовой ситуацией, из которой возникает правозащитное отношение, является невыполнение либо ненадлежащее выполнение государством правозащитных обязанностей в правовом взаимоотношении с человеком. В правозащитном отношении индивид использует свои правозащитные полномочия в целях побуждения государства к осуществлению уже существующих правозащитных обязанностей, то есть тех обязанностей, которые возникли в результате признания права человека на защиту закона. Следовательно, в правозащитном отношении активной, побудительной стороной является человек как "обладатель" права на защиту закона, а не государственная власть. Однако в том случае, когда имеет место нарушение, скажем, какого-либо социально-экономического права человека, а государство в этой связи приступило к организационно-правовому разрешению возникшего конфликта, то такого рода деятельность осуществляется не в правозащитных, а в правоохранительных отношениях, поскольку только в их рамках имеется возможность применить охранительную меру принуждения к правонарушителю.

Из сделанного замечания видно, что указанные авторы, обосновав тезис о взаимосвязи права человека на защиту с правозащитными отношениями, не видят различий, в конечном счете, между защитой (охраной) прав человека и правом человека на защиту закона. В то время как в первом случае имеет место практика обес-

печения законности и правопорядка через правоохранительную деятельность, а во втором – через деятельность правозащитную. Между тем в юридической науке зафиксированы отличия категорий "защита права", "охрана права", "защита прав человека" и "право человека на защиту закона", а также смежных с ними категорий. Эти различия, безусловно, должны приниматься во внимание, но сторонники данного направления упускают их из виду.

Вместе с тем анализ правозащитных отношений, как обособленного предмета правового регулирования, конечно же, является заметным шагом в направлении проникновения в их сущность и специфику, поскольку приближает исследовательскую мысль к познанию закономерностей регулирования и функционирования правозащитных отношений.

Следующее направление исследования правозащитных отношений можно назвать естественно-правовым, поскольку здесь правозащитные отношения рассматриваются с позиции их отнесения к естественно-правовым.

Отметим, что в современном отечественном правоведении предпринимались неоднократные попытки обосновать существование естественно-правовых отношений, в частности, в сфере регулирования нормами трудового права. Так, например, А.Р. Мацюк, исследовав свойства труда и обнаружив, что все они могут быть разделены на естественные и социальные, пришел к выводу, что эти свойства порождают, соответственно, естественные и социальные трудовые отношения, которые находятся в единстве и в этом виде подвергаются регулированию соответствующими нормами права [26].

Возможность идентификации правозащитных отношений в качестве естественно-правовых основана на трех основных теоретических положениях, одно из которых принадлежит В.С. Афанасьеву и Н.Л. Гранат и которое было нами приведено выше. Другое – обосновано Ю.И. Гревцовым. "Если же право понимается как некое свойство (качество) человека, – пишет он, – то тогда правовое отношение, по крайней мере, значительная его часть, будет представляться как способ реализации, утверждения

этих свойств индивида. Другими словами, правовое отношение здесь рассматривается как продолжение свойств человека" [27]. Согласно третьему положению основное назначение любого и каждого правового отношения заключается в том, чтобы выступать юридической формой реализации права [28; 29]. Отсюда логически следует, что если реализуется естественное право человека, то и правоотношение должно быть признано естественно-правовым.

Исходя из этих теоретических предпосылок и была выдвинута гипотеза о том, что правоохранительное отношение, имея в своей основе право человека на защиту закона, обладающего высшей юридической силой, может быть понято как естественно-правовое и в этом качестве выступить юридической формой реализации правоохранительных полномочий и правоохранительных обязанностей государства.

Посильный вклад в аргументацию этого направления внес и автор настоящего исследования, также отстаивающий тезис о том, что поскольку все права человека имеют естественную (социально-биологическую) природу, а их международное и государственное признание придает им статус юридических правоположений, то вполне обосновано полагать, что универсальной формой их реализации являются естественно-правовые отношения, одним из видов которых и выступают отношения правоохранительные [30]. В последующем эта точка зрения получила более развернутое толкование в монографии "Теоретические проблемы прав человека и механизм их реализации в Российской Федерации" (Астрахань, 2006), в которой утверждается, что как научная абстракция понятие "естественно-правовое отношение" позволяет охватить и воспроизвести в научном и профессиональном правосознании все многообразие связей и форм общения, которые устанавливаются между людьми в результате признания их субъектами прав человека. В механизме реализации прав человека естественно-правовые отношения выступают формой воплощения естественных правообязанностей в жизнь. Именно в них осуществляется правореализационная деятельность носителей прав человека [31].

Таким образом, исследование правоохранительного отношения в качестве формы реализации права человека на защиту закона, привело к выводу о том, что это отношение естественно-правовое.

В юридической литературе отмечается, что естественные права человека могут осуществляться как в общих, так и в конкретных правоотношениях. В частности, Н.И. Матузов пишет: "Ясно, что такие природные права индивида, как право на жизнь, честь, достоинство, свободу, безопасность, семью, собственность, место жительства и др., находятся в составе общих правоотношений между носителями этих прав и государством, призванным уважать и защищать их. Когда же указанные права кем-либо умышленно либо по неосторожности нарушаются, возникают конкретные правоотношения, направленные на их восстановление. В таком случае конкретные правоотношения выступают как восстановительные" [32]. При этом автор особо подчеркивает, что наличие такого рода отношений "несомненно – ценнейшая черта подлинной демократии, поскольку должна осуществляться не только защита граждан государством, но и защита их от самого государства, его произвола, самоуправства" [32]. Здесь нелишне обратить внимание на то, что указанные отношения позволяют, по мнению Н.И. Матузова, осуществиться не только праву человека на защиту государством, но и от самого государства.

Углубляя представления о естественно-правовых отношениях, Т.К. Сацкевич пишет: "Естественно-правовые отношения, в качестве универсальной формы реализации прав человека, могут классифицироваться не только по основанию абстрактности юридической связи носителя прав человека с другими субъектами. Не менее важно подразделять их на материальные и процессуальные. Последние выступают формой реализации права человека на защиту" [33].

Обобщая высказывания специалистов относительно естественно-правового подхода к правоохранительным отношениям, надо обратить внимание на то, что никто из них не интерпретирует естественно-правовые отношения, в том числе и правоохранительные, в качестве охранительных. Также следует отметить преобладание мне-

ний ученых о том, что право человека на защиту закона реализуется в естественно-правовых правозащитных отношениях, которые могут быть общими и конкретными, но не материальными, а исключительно процессуальными.

Поддерживая попытки обоснования естественно-правового подхода к пониманию правозащитных отношений, нельзя не заметить, что большинство его представителей чаще всего оперируют не целостной правовой материей правозащитного отношения, а только одной его частью – каким-либо правозащитным полномочием человека. Однако теоретический анализ одного какого-либо правозащитного полномочия еще не есть анализ правозащитного отношения в целом, поскольку о факте появления, существования и функционирования правозащитного отношения можно говорить только с того момента, когда выраженное во вне правозащитное полномочие состыкуется, свяжется с соответствующей правозащитной обязанностью надлежащего субъекта. Правозащитное отношение, как и любое другое правоотношение, это, в первую очередь, отношение между, как минимум, двумя сторонами. Следовательно, анализ правозащитного отношения должен вбирать в себя и правозащитные обязанности, корреспондируемые с правозащитными полномочиями.

Вышеописанные направления исследования правозащитных отношений достаточно убедительно обозначили себя в правоведении. Однако в современной юридической науке складываются и иные подходы, так или иначе выводящие на проблематику правозащитных отношений. В этой связи обращает на себя внимание антропологический подход, развиваемый А.И. Ковлером [34], социально-защитный подход, весьма убедительно обосновываемый П.П. Глушенко и В.Я. Кикоть [35; 36] и др. Но, на наш взгляд, воспринимать их как уже сложившиеся направления исследования правозащитных отношений пока еще нет оснований.

Оценивая изложенные направления исследования правозащитных отношений, следует признать, что третье направление привлекает к себе наибольшее внимание ученых. Это, дума-

ется, объясняется тем, что в рамках данного направления появляется возможность вовлечь в предмет теоретического анализа всю проблематику действия правозащитных полномочий человека и правозащитных обязанностей государства и, в первую очередь, вопрос об их единой юридической форме осуществления, в качестве которой и выступает правозащитное отношение. Поэтому на сегодняшний момент времени естественно-правовое направление исследования правозащитных отношений следует признать наиболее перспективным в теоретическом плане и имеющим первостепенное практическое значение для организации реального воплощения прав и свобод человека в юридической действительности. Имеет смысл подчеркнуть еще раз, что главным его достоинством является реализуемая в нем логика, согласно которой правозащитное отношение появляется с объективной закономерностью вследствие осуществления права человека на защиту закона и правозащитных обязанностей государства, а это, помимо всего прочего, автоматически придает любому правозащитному отношению статус отношения международного. Этим самым преодолевается явно зауженное представление о том, что судебная защита – это "правоотношение общего характера между государством с одной стороны и личностью – с другой, в котором принципиальному праву личности на соблюдение и защиту его прав и свобод корреспондирует принципиальная же обязанность государства предоставить ему эту защиту" [37; 38]. Взгляд на судебную защиту с позиций теории правозащитного отношения вносит существенное уточнение в такого рода представления, поскольку выявляет ее закономерную связанность с международными судебными органами и гражданскими правозащитными организациями, что весьма существенно для модернизации отечественной системы правосудия.

Список литературы

1. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1997. – С. 506.
2. Марнгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – С. 12.

3. Обсуждение вузовской программы «История, теория и практика прав человека» // Государство и право. – 1993. – № 5. – С. 36.
4. Тиунова Л.В. О понятии правовой системы // Правоведение. – 1985. – № 1. – С. 27.
5. Правовая система социализма: понятие, структура, социальные связи. Кн. 1 / под ред. А.М. Васильева. – М., 1986. – С. 14.
6. Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов, 1987. – С. 26.
7. Синюков В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. – Саратов, 1994. – С. 27.
8. Калинина Т.М. Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы согласования: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002.
9. Карташов В.Н. Правозащитные системы: понятия, основные типы и принципы // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации. – Н. Новгород, 2003. – С. 12.
10. Рудинский Ф.М. Личность и социалистическая законность: учеб. пособие. – Волгоград, 1976. – С. 33.
11. Тихомиров Ю.А. Государственность: крах или воскрешение // Государство и право. – 1992. – № 9. – С. 19.
12. Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. – М., 1996. – С. 179.
13. Ильин И.А. О сущности правосознания. – М., 1993. – С. 118.
14. Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. – Тюмень, 1999.
15. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. – М., 2001.
16. Романовский Г.Б. Право на жизнь. – Архангельск, 2002.
17. Казамиров А.И. Уголовно-правовая защита права человека на свободу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2003.
18. Антюфеева О.С. Защита прав ребенка в системе мер профилактики преступности несовершеннолетних (криминологический и правовой аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2004.
19. Юрченко О.О. Право на защиту и способы защиты охраняемого законом интереса в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2004.
20. Мишанин К.С. Конституционное право человека и гражданина на благоприятную окружающую среду: гарантии и защита в законодательстве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
21. Анисимов П.В., Лазарев В.М. Метод правозащитного регулирования. – Волгоград, 2005.
22. Тер-Акопов А.А. Юридическая безопасность человека в Российской Федерации (Основы концепции) // Государство и право. – 2001. – № 9. – С. 11–12.
23. Сенякин И.Н. Правовая безопасность личности как элемент правовой политики Российского государства // Вопросы теории государства и права. – Саратов, 2001. – Вып. 3. – С. 21.
24. Калина Е.С. Государственно-правовой механизм обеспечения права на безопасность личности в Российской Федерации (теоретическое административно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2004. – С. 20.
25. Фомин А.А. Юридическая безопасность и правовая защищенность: соотношение и взаимосвязь // Журнал российского права. – 2005. – № 11.
26. Мацюк А.Р. Трудовые правоотношения развитого социалистического общества. – Киев, 1984. – С. 18.
27. Гревцов Ю.И. Правовые отношения // Общая теория государства и права. Академический курс: в 2 т. Т. 2. / под ред. М.Н. Марченко. – М., 1998. – С. 274.
28. Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. – М., 1972. – С. 103.
29. Решетов Ю.С. Реализация норм права и правоотношения // Советское государство и право. – 1989. – № 7. – С. 15–19.
30. Лазарев В.М., Рагимов А.Т. Механизм реализации прав человека. – Махачкала, 2005. – С. 86.
31. Кошарский Д.А., Лазарев В.М., Рагимов А.Т., Федорова В.Г. Теоретические проблемы прав человека и механизм их реализации в Российской Федерации. – Астрахань, 2006. – С. 85–86.
32. Матузов Н.И. Права человека и общерегулятивные правоотношения // Правоведение. – 1996. – № 3.
33. Сацкевич Т.К. Права человека и принцип разделения государственной власти в РФ: теоретические вопросы взаимосвязи: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 98.
34. Ковлер А. И. Антропология права: учебник для вузов. – М., 2002. – С. 30 и сл.
35. Глушенко П.П., Кикоть В.Я. Теория и практика социально-правовой защиты конституционных прав, свобод и интересов граждан в Российской Федерации. – М., 2002. – С. 15.
36. Кикоть В.Я. Теория и практика социально-правовой защиты конституционных прав, свобод и интересов граждан Российской Федерации // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф., 12 мая 2003 г. / под ред. В.Н. Лопатина. – СПб., 2003. – С. 68.
37. Савельева Т.А. Судебная власть в гражданском процессе: учеб. пособие. – Саратов, 1997. – С. 23.
38. Лазарева В.А. Судебная защита в уголовном процессе РФ: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. – Самара, 2001. – С. 68.

В редакцию материал поступил 06.08.10.

Ключевые слова: права человека, государство, обязанности, защита.